

DOI 10.22363/2312-8011-2017-14-4-547-555

СЕРГЕЙ ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ: IN MEMORIAM

Статья посвящена памяти Сергея Юрьевича Преображенского (16.06.1955—20.06.2017), филолога и поэта, доцента кафедры общего и русского языкознания РУДН, чья жизнь на протяжении 45 лет была связана с университетом. Излагаются некоторые факты его биографии, описываются его научные интересы, а также делается попытка кратко охарактеризовать его поэтику. К статье прилагаются стихи разных лет.

«ЛЕГЕНДА ИСТФИЛА»

После его внезапного ухода из жизни, как только улеглась первая реакция — боли и невозможности поверить в случившееся — мне стали приходить письма от его друзей, коллег из разных городов, бывших студентов. Приведу несколько отзывов о нем:

«Это был редкий, почти небывалый человек, его ума, его голоса нам всем будет не хватать». «Для нас Сергей Юрьевич останется навсегда невероятно живым, равнодушным, фантастически остроумным человеком, ученым, талантливым и тонким поэтом». «Мне лично он был по-особенному дорог. Как необыкновенно умный, эрудированный и темпераментный ученый!» «Для многих Сергей Юрьевич — эталон остроты и трезвости восприятия всех уровней и форм филологической нашей жизни». «Сергей Юрьевич был прекрасный ученый и очень хороший человек, его всему стиховедению будет очень не хватать». «Сергей Юрьевич ...своим присутствием оправдывал мое пребывание в магистратуре».

Вдруг среди знакомых имен (которые не называю, все-таки переписка личная) мелькнуло незнакомое. Выпускница УДН 80-х годов, историк, сообщает, что почти не знала Преображенского, «...знала только, что популярен в народе и кофейне, легенда истфила фактически».

Не удивительно, что он слыл легендой: обаятельный, общительный, эрудированный, остроумный, к тому еще и поэт, и неприменный участник всяческих театрализованных действий — из тех людей, что невольно привлекают общее внимание, где бы ни находились.

Истфил, то есть историко-филологический факультет — сегодня, наверное, не все РУДНовцы это помнят — существовал до 1996 года, пока не разделился на исторический и филологический. С.Ю. Преображенский окончил этот сдвоенный факультет по специальности «Русский язык» в 1980 году. Два года позже он напишет в стихотворении о детстве:

С чем меня свяжет случайный прохожий,
Мне протянувший нагрудный значок,
Где растопырился голубь, похожий
На припеченный яичный белок.

Сегодня эти строки требуют пояснения: значок с «голубем мира» был эмблемой Всемирного фестиваля молодежи и студентов 1957 года и символизировал дружбу народов. Подарок прохожего двухлетнему малышу поэт счел предсказанием своей дальнейшей судьбы. В 1982 году он еще не знал, что связь эта — на всю жизнь. Поступив в 1972 году, он окончил университет, потом там же — аспирантуру и преподавал там до последнего дня.

При этом вуз он выбрал практически случайно, вслед за школьным товарищем, желавшим поступить именно туда. Но заканчивая школу, Сергей точно знал, на какой факультет пойдет. Конечно, на механико-математический! Учился в математическом классе, а главное, в его семье не было гуманитариев. Родным, да и ему самому и в голову не приходило, что можно заниматься чем-то кроме точных наук. Определенные математические способности у разносторонне одаренного подростка имелись, и в 1972 году он поступил на мехмат тогдашнего Университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы. Но долго там не проучился — гуманитарный склад личности взял свое, после второго курса Сергей навсегда оставил математику и заново сдал вступительные экзамены — уже на историко-филологический. О своем кратковременном «романе с математикой» и потраченном на него времени он никогда не жалел, напротив, любил повторять известные слова Ломоносова: «Математику уже затем учить следует, что она ум в порядок приводит».

Истфил он окончил с отличием (с двумя оценками «хорошо» — по истории КПСС и научному коммунизму), защитив дипломную работу на тему «Окказиональное слово как элемент поэтического языка» на материале творчества В. Хлебникова и других футуристов. (В скобках отметим, что занятия футуристами, кроме Маяковского, в то время не слишком приветствовались.) По окончании поступил в аспирантуру и в 1983 году защитил кандидатскую диссертацию уже на другую тему, предложенную ему научным руководителем Л.А. Новиковым: «Языковые средства выражения пародии в произведениях М.Е. Салтыкова-Шедрина».

Своими главными учителями С.Ю. Преображенский называл Льва Алексеевича Новикова и Геннадия Прокоптевича Мельникова. Г.П. Мельников вооружил его исследовательским методом, который называется системным подходом в лингвистике. Л.А. Новиков научил работать с текстом. «Один человек — истинный лингвист и настоящий методолог — оказал без дураков серьезное влияние на мои научные взгляды. Его уже нет в живых, это Г. П. Мельников», — сообщает Преображенский (Преображенский, 2002. URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/01/preobrazh.shtml>). Он активно пропагандировал взгляды и подходы Г.П. Мельникова как в лекциях, так и в своих трудах, в том числе в обобщающей работе «Системный анализ стиха», вошедшей в коллективную монографию «Системный взгляд как основа филологической мысли» (2016).

А в статье памяти Л.А. Новикова он отмечает: «Первым и важнейшим вразумлением, которое я получил у Льва Алексеевича, было простое соображение: филолог, по определению, homo legens» [1. С. 41]. Он был благодарным учеником. И в той же статье он пишет, вспоминая свое студенчество: «Выяснилось, что в Лумумбе прививают не только навыки общественной работы — тут готовят лингвистов» [1. С. 40].

ЛИНГВИСТ

Лингвист — именно так он определял свой научный статус, таким образом отграничивая себя от племени литературоведов. При этом он работал почти исключительно с художественными текстами, на стыке лингвистики и литературоведения; область эту можно было бы назвать лингвопоэтикой, но под этим термином сегодня принято понимать скорее учение о функционировании выразительных средств в произведении и об их связи с планом содержания. Преображенского сами по себе выразительные средства интересовали мало, а содержательной стороны произведения он касался лишь постольку, поскольку без этого невозможно обойтись при анализе текста. Как лингвист, он полагал, что поэтический язык может и должен быть описан в рамках принятых моделей описания естественных языков. Как ученик типолога Мельникова, считал, что возможно выстроить типологическую классификацию идиостилей на основе типологической классификации естественных языков, то есть, предельно упрощая его мысль, можно сказать, что в «поэтических языках» разных авторов (вне зависимости от их родного языка) можно усмотреть подобие агглютинации, инкорпорации, флектирования, свойственных языкам естественным. С точки зрения семантического устройства, утверждал Преображенский, любая стихотворная строка стремится к как можно более полной конкуренции с высказыванием и может расцениваться как семантически полноценная синтаксическая структура, отражающая событие: «С этой точки зрения любые проявления синтаксического своеобразия стиха в отношении исходной модели предложения данного национального языка суть проявления его специфики» [2. С. 677].

Но при таком подходе нормативный синтаксис работает плохо, поэтому для описания единиц стихотворной речи С.Ю. Преображенский предлагает «эмический» термин — «стихема» (впервые примененный участником Московского лингвистического кружка Максимом Кенигсбергом в несколько другом значении).

Свою концепцию С.Ю. Преображенский излагал студентам в спецкурсе по дисциплине «Поэтический синтаксис», а промежуточные итоги своих исследований подвел во включенной в коллективную монографию «Системный взгляд как основа филологической мысли» работе «Системный анализ стиха» [3. С. 303—376] преимущественно на материале русской поэзии, но с привлечением иноязычных текстов, в первую очередь славянских — украинских, польских, белорусских, а для сравнения и западноевропейских, демонстрируя универсальность своего подхода. Казалось бы, что общего между молитвословным стихом и микрополиметрией у авторов XX века, между литовской дайной, польским «жестоким романсом» и стихотворением Бродского «На смерть Жукова»? Ответ: общая стихемная структура. Он успел выделить и рассмотреть лишь некоторые стихемы (такие как «коломыйковый» шестисложник и пятисложный логаэдадоний), а главное, разработал теоретическую базу, на которой исследования могут быть продолжены. В любом случае, едва ли он стал бы кропотливо описывать, каким образом и на каком материале он пришел к своим выводам. В науке он был «генератором идей», не исполнителем.

Помимо поэтического синтаксиса, в область его научных интересов входили такие темы, как лингвистические характеристики интертекстуальных связей, особенности строения метризованной прозы, литературная жизнь Москвы в 70—

90-е годы прошлого века, а также современные тенденции развития русского языка, вплоть до таких маргиналий, как пресловутый сетевой «олбанский язык». Так, он первым обнаружил и показал типологическую связь между «олбанской» лексикой и языком, которым написана пьеса футуриста И. Зданевича (Ильязда) «Янка — круль албанский» [4. С. 372—384].

Говоря о научной деятельности Преображенского, нельзя не упомянуть его работу на научных конференциях, которые он посещал часто и с удовольствием — и не только в Москве, но и в Санкт-Петербурге, Твери, Смоленске, Ярославле, Воронеже, Гродно; часто приглашали его и польские и литовские университеты. Там, где он бывал, он становился такой же «легендой», как в свое время на ист-филе; по выражению его друга, проф. Ю.Б. Орлицкого, его вопросы «были не только вдохновенной работой, они были и самой конференцией в полном смысле этого слова». Недавно мне довелось посетить две конференции в Польше уже без него; оба раза заседания начинались с минуты молчания в его память. Также его памяти посвящен 61-й номер ежеквартальника *Toronto Slavic Quarterly*, в котором опубликован один из последних в его жизни докладов — о неподцензурной поэзии 1970—1980-х.

ПОЭТ

В вышеупомянутом докладе («Поэтические репутации 1970—1980-х: подцензурная неподцензурность») Преображенский говорил о том, что хорошо знал «изнутри», — ведь он был не только ученым, но и поэтом. Считается, что каждый филолог должен уметь написать грамотное стихотворение; у многих коллег сочинительство — хобби, отношение к которому может быть более или менее серьезным; существует даже понятие «филологическая», или «университетская» поэзия. Но к стихам Преображенского оно неприложимо. Он не был филологом, на досуге «пописывающим стишки», равно как и поэтом, на досуге же разбирающим тексты (кстати, а последнее бывает ли?). Филология и поэзия существовали для него в органичном сочетании, как левое и правое полушария мозга. Временами верх брала первая, временами вторая. Так, последние годы его жизни — 2016—2017 — были «филологическими» — написание статей, подготовка раздела коллективной монографии, многочисленные конференции, на которых «обкатывались» новые идеи, оставляли мало времени для стихов. Зато в 2008, например, статей едва хватило для переизбрания на должность доцента, а стихов было написано много... Но чаще всего эти два рода деятельности шли параллельно, никак не мешая друг другу.

Возвращаясь к теме цензуры, можно сказать, что в эпоху ее существования он был поэтом, с одной стороны, «подцензурным», т.е. «разрешенным», поскольку его стихи публиковались в советских изданиях; с другой стороны — «неподцензурным»: публикаций было до смешного мало, а то, что попадало в печать, нередко искажалось редакторами в угоду цензорам. В 1985 году в Союзе писателей обсуждалась рукопись предполагаемого сборника стихов «Светотени», но книга так и не вышла. И в Союз писателей он не вступил, хотя в годы перестройки имел такую возможность.

Об истории публикаций Преображенского я уже подробно писала в упомянутом томе *Toronto Slavic Quarterly*, филологического ежеквартальника, в самом первом номере которого (лето 2002 г.), кстати, было напечатано несколько его стихотворений [5]. Но нельзя не упомянуть о его первой публикации в журнале «Смена» № 17 за 1974 год. Всего четыре коротких стихотворения, которые прошли незамеченными для читателя, но зато вызвали возмущение в ЦК комсомола, и девятнадцатилетний автор был обруган «декадентом» и «Гумилёвым» (последнее очень его порадовало). Именно эта публикация плюс увещевания знакомых из той же редакции «Смены» стали главным стимулом к тому, чтобы распрощаться с математикой и прийти к филологии: он окончательно понял, что главное в его жизни — не Число, но Слово. Несмотря на то что писать стихи он начал в 15 лет (как, собственно, большинство подростков), поэтом Преображенский, по его словам, ощутил себя только в 1976 году — написал первые стихи, «за которые потом не было стыдно». Ему близка была мысль Р.М. Рильке о том, что для стихов требуются не чувства, которые приходят рано, но опыт. И интересно, что человек, который был способен дать филологически точную оценку любому чужому тексту, собственные стихи оценивал (как многие поэты, например, Бродский или Маяковский) по принципу «самое новое — самое лучшее». Конечно, он не мог не замечать, как меняется его собственная поэтика, не понимать, что тексты 1976 и, скажем 2006 года писали, в сущности, разные люди — с разным жизненным опытом, мировидением, багажом знаний, степенью начитанности. В случае Мандельштама или Бродского — понимал прекрасно. Но... тут мы вступаем в область иррационального.

Его поэтика еще ждет своих исследователей, а пока — несколько кратких замечаний. По эстетике и тематике Преображенский близок к поэтической группе 1970—1980-х «Московское время» (С. Гандлевский, А. Сопровский, А. Цветков, Б. Кенжеев), с которыми его связывало личное знакомство, а с Сопровским и дружба. Подчеркнутый традиционализм (неукоснительное соблюдение рифмы и метра, в крайнем случае белый стих), акмеистическое внимание к детали, «вещность», заведомо непоэтические, бытовые темы, обыденная, порой сниженная лексика и интонация — все это *koinostopos* для вышеперечисленных и многих других московских поэтов, начинавших писать в те годы. И что греха таить, при всем уважении к этим авторам, порой Сергея Гандлевского трудно отличить от, к примеру, Алексея Цветкова. А Преображенского того же периода отличить всегда можно — по некой едва уловимой шероховатости, некой поэтической «занозе» в кажущейся гладкой поверхности псевдоклассического стиха. Это может быть рифма — нарочито банальная («кровь—любовь», «размельчаясь — рассыпаясь») или так же нарочито неуклюжая, из серии «радость графомана» («делом — напевом»); может быть внезапный и провокативный сбой ударения в правильной силлабо-тонической строке: «Слизнями заползали слухи/в развилки раковин ушных»); либо «странный», беспокоящий образ («обрывается вверх», «смотровое лицо»), синтаксическая неправильность («снова к любовницам будут нежны») и т.п. Недаром чикагский поэт и переводчик Ю. Милорава в переписке со мной верно заметил в этой поэтике «прямую родственную линию от футуризма». Наиболее почитаемым поэтом для Преображенского был Велимир Хлебников. Иное

мнение о его поэтическом родстве — тоже верное — высказал Г.В. Векшин: «Родом он был от Державина и Тютчева, Мандельштама, Ходасевича и Заболоцкого. Он знал, как правильно создается неправильная речь» [6]. И в этом смысле поэзия его, конечно же, филологична.

С годами Преображенский становился все виртуозней в создании «правильной неправильной речи», все больше становилось в его поэзии пропущенных семантических звеньев, окказиональных слов, барбаризмов, синтаксических и грамматических ловушек, порой он создавал практически герметичные тексты: «Мрамором вымощены дорожки соцарта.//Кто им предъявит нынче повторный счет.// Там АрвоМетс гулял до второго инфаркта//В шапочке шерстяной, напыленной зад на перед...» (2010). Даже знание того, что АрвоМетс (1937—1997) — это русский поэт-верлибрист эстонского происхождения, не помогает понять, что такое «дорожки соцарта», лишь дальнейший текст подсказывает — и то не впрямую, — что речь идет о метро.

А рука об руку с герметизмом — в других текстах — шла та же «прекрасная ясность», что была свойственна его стихам 1970—1980-х: «Ты будешь голый и веселый,//Как в польской песенке поется,//И засыпающие пчелы//Взлетят — а сердце оборвется» (2014).

На данный момент у Преображенского вышло три поэтических сборника: «Мы жили в Москве» (1996), «0—1» (2001) и «Календа» (2011). Есть надежда, что в скором времени выйдут новые книги — неопубликованных стихов хватит не на один сборник. А пока приведу несколько стихотворений разных лет.

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

* * *

Как неуютен дворик зимой:
Старый брендмауэр в цементной коросте,
В снег ноздреватый кончиком трости
Тычет настойчиво старый слепой.

Слиплась мерлушка воротника,
Вытерся драп до слюнявого лоска —
Пялится бельмами белой извести
В спину слепая стена флигелька.

Крыши гремят ледяною крупой,
Ветер качает мертвую липу..
Дна городского слепые полипы,
Закаменел ваш коралловый слой.

Остров качает на буйных волнах —
Остовы ваши хрустят, рассыпаясь,
В хрупкую крупку уже размельчаясь,
Держите город на чутких костях.

1978

* * *

Со стрельчатого цоколя человек железный
Наклоняет в улицу смотровое лицо,
Много лет продолжая паренье над бездной,
Окрыленное звезд неподвижной пылью.

Много раз проходил я в пределах полета
В надрывающем душу беззвучье ночном,
Сотни цепких секунд нетопырьего счета
Проскреблись под титановым этим крылом.

Как упорно твое броневое надбровье,
Затвердивший паденья свободный покой,
Металлический ток расщепляемой крови
Угадавший во мне освещенной рукой.

И железной любви нарастание гулко,
И направлен ее безвоздушный полет
В осевое сечение волчьих проулков,
Где желанная женщина сонно живет.

Где сумею и я, как паритель железный,
Опрокинуть в нее смотровое лицо,
Чтоб во сне эта женщина повисала над бездной
И видела звезд распадающеся кольцо.

1983

* * *

Проколесив сутки
На циферблате, в дыму
Ты засыпаешь, на саночках
Будто съезжая. Ныне

От телефонной побудки
Встряхивает тьму
И огоньки в подрамниках
Дробятся на снег и иней.

1996

Ода кроту
Д.Д.

Слепорожденный рыцарь пера и шпаги,
Вывалянный, как в пухе, в бархатной книжной пыли,
Вник в корневой источник подземной отваги.
Все твои начинанья лютиком проросли.

Ходики носом чистя, грязнишь коготки под корень,
На дармовщинку закусываешь либрарным червем.
Твой лабиринт подземный сыпуч и сорен,
Там, где ты весь обжился, по выходным живем.

Этот копучий труд, не коптящий неба,
Небу, возможно, угоден, скажу навскид.
В непроницаемых осыпях отраднейшего Эреба
Вызрел уже, шершавясь, неколотый твой гранит.

4.06.2011

© Бараш О.Я., 2017

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Преображенский С.Ю.* Лев Новиков — In memoiam // Функциональная семантика. К 80-летию академика МАН ВШ профессора Льва Алексеевича Новикова, Москва, РУДН, 2011.
2. *Преображенский С.Ю.* Стихотворный синтаксис в свете лингвистической типологии // III Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность», Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 20—23 марта 2007 г. Труды и материалы. М., МГУ.
3. *Преображенский С.Ю.* Системный анализ стиха // Валентинова О.И., Денисенко В.Н., Преображенский С.Ю., Рыбаков М.А. Системный взгляд как основа филологической мысли. М.: Издательский дом ЯСК, 2016.
4. *Преображенский С.Ю.* От Ильязда до Удаффа: проблема происхождения или типологического сходства двух албанских языков // Функциональная и семантика и семиотика знаковых систем. М., РУДН, 2011.
5. *Бараш О.Я.* (2017) Поэт и литература // Toronto Slavic Quarterly # 61. URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/61/Varash61.pdf> (дата обращения 27.10.2017).
6. *Векшин Г.В.* Смерть как прием // Памяти Сергея Преображенского. URL: <http://kultinfo.com/novosti/2485/> (дата обращения 27.10.2017).

История статьи:

Запланирована: 20.09.2017
Модератор: О.А. Валикова

Для цитирования:

Бараш О.Я. Сергей Юрьевич Преображенский. In memoiam // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2017. Т. 14. № 4. С. 547—555. DOI 10.22363/2312-8011-2017-14-4-547-555

Сведения об авторе:

Бараш Ольга Яковлевна — переводчик образовательного ресурса www.language-travel.ru.
E-mail: barasolga@yandex.ru

SERGEY YURIEVICH PREOBRAZHENSKIY: IN MEMORIAM

O.Ya. Barash

The article is written in memory of Sergey Yurievich Preobrazhenskij (16.06.1955–20.06.2017), philologist and poet, Assistant Professor of the Chair of General and Russian linguistics at PFUR, whose life had been connected with the University for 45 years. The article includes some facts of his biography, tackles upon the sphere of his scientific interests. Besides, an attempt is made to give a brief description of his poetic work. Several poems by S.Preobrazhenskij are appended.

REFERENCES

1. Preobrazhenskij S.Ju. Lev Novikov — Inmemoriam [Preobrazhenskij S.Yu. LevNovikov — In Memoriam]. Funkcional'naja semantika. K 80-letiju akademika MAN VSh professora L'va Alekseevicha Novikova. Moskva, RUDN, 2011.
2. Preobrazhenskij S.Ju. Stihotvornyj sintaksis v svete lingvisticheskoj tipologii [Poetic Syntax in the light of Linguistic Typology]. III Mezhdunarodnyj kongress issledovatelej russkogo jazyka «Russkij jazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost'». Moskva, MGU im. M.V. Lomonosova, 20–23 marta 2007 g. Trudy i materialy. M., MGU.
3. Preobrazhenskij S.Ju. Sistemnyj analiz stiha [System Analysis of Verse]. Valentinova O.I., Denisenko V.N., Preobrazhenskij S.Ju., Rybakov M.A. Sistemnyj vzgljad kak osnova filologicheskoj mysli. M.: Izdatel'skij dom JaSK, 2016.
4. Preobrazhenskij. Ot Il'jazda do Udaffa: problema proishozhdenija ili tipologičeskogo shodstva dvuh albanskih jazykov [From Ilyazd to Udaff: The Problem of Genesis or Typological Affinity of Two Alban Languages]. Funkcional'naja i semantika i semiotika znakovyh sistem. M., RUDN. 2011.
5. Barash O.Ja. Pojet i literatura [Poet and Literature]. Toronto Slavic Quarterly # 61. <http://sites.utoronto.ca/tsq/61/Barash61.pdf> (data obrashhenija 27.10.2017).
6. Vekshin G.V. Smert' kak priem [Death as a Device]. Pamjati Sergeja Preobrazhenskogo. <http://kultinfo.com/novosti/2485/> (data obrashhenija 27.10.2017).

Article history:

Planned: 20.09.2017

Moderator: O.A. Valikova

For citation:

Barash O.Ya. Sergey Yurievich Preobrazhenskij: In Memoriam (2017). *RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices*, 14 (4), 547–555. DOI 10.22363/2312-8011-2017-14-4-547-555

Bio Note:

Barash Olga Yakovlevna is a Translator of Educational resource www.language-travel.ru. E-mail: barasolga@yandex.ru